

18+

КРАСНЫЕ ПСЫ

— ПЕРВАЯ ЧАСТЬ —

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

18+

Софья Либерт

Красные псы

<https://litres.ru/74588663>

ISBN 9785007136105

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Первый — тот, кто говорит «доверься». Второй — тот, кто говорит «беги». Оба знают, как выживать. Оба знают, как не чувствовать. Она — та, кто заставила их почувствовать. И это самое опасное, что могло случиться...

Психологический триллер с элементами криминальной драмы. История о молодых людях, которые выживают в мире, где насилие стало нормой, а доверие — опасной роскошью. Поднимаются темы подавления личности, токсичных семей, свободы и той цены, которую платишь, когда решаешь быть собой.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Предупреждение	5
Предисловие от автора	7
Пролог	10
Обещание	19
ДВА ГОДА СПУСТЯ	22
глава 1 — Похоронные лилии	26
Глава 2 — Берег встеч	41
Глава 3 — Карьеры	58
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Красные псы

Софья Либерт

Редактор Эмин Вахидович Садыгов

Иллюстратор Vinosha

Дизайнер обложки Софья Либерт

© Софья Либерт, 2026

© Vinosha, иллюстрации, 2026

© Софья Либерт, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-3610-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предупреждение

Эта книга не предназначена для тех, кто ищет лёгкого чтения. На её страницах вы найдёте описания насилия, крови и смерти — подчас подробные и беспощадные. Персонажи сквернословят, совершают непоправимые поступки и живут в мире, где мораль давно уступила место выживанию.

Здесь нет героев в белых плащах. Есть только сломленные люди, которые пытаются собрать себя заново — или окончательно рассыпаться.

Если вы чувствительны к темам физического и психологического насилия, если описания крови и натуралистичные сцены причиняют вам дискомфорт — пожалуйста, отложите эту книгу.

Если же вы готовы заглянуть в бездну и увидеть, что она смотрит на вас в ответ, — добро пожаловать на её территорию.

Все сцены насилия, самоубийства и противоправных действий в книге являются художественным вымыслом, осуждаются автором и не призваны побуждать кого-либо к их повторению.

В сюжете присутствуют персонажи несовершеннолетнего возраста. Все связанные с ними сцены насилия и криминальных действий являются частью трагического сюжета и осуждаются.

Содержит:

- нецензурную брань;
- описания насилия, крови и смерти;
- сцены самоубийства и убийств;
- упоминания психотропных веществ;
- сцены вербовки несовершеннолетних в криминальную организацию.

18+

О вреде психотропных веществ: Употребление психотропных и наркотических средств наносит непоправимый вред здоровью, вызывает зависимость и влечёт уголовную или административную ответственность за их незаконный оборот.

Предисловие от автора

Эта история никогда не была текстом. Она всегда была плёнкой. Кадром, который я увидела задолго до того, как научилась складывать слова в предложения. Я не писала её, а снимала своим внутренним зрением: крупные планы, когда зрачки расширяются от лжи, рваный звук шагов по асфальту, свет, который падает ровно так, чтобы подчеркнуть тень на лице. «Красные псы» родились не на бумаге. Они появились в том пространстве между сценой и монтажным столом, где рождаются настоящие триллеры.

Я не буду рассказывать вам о себе, потому что это не имеет значения. Важно только то, что каждый персонаж этой книги — не выдумка. Это люди, которых я знаю слишком хорошо. Их голоса звучали у меня в голове так отчётливо, что порой я не могла уснуть. Их выбор — это выбор, перед которым я стояла сама. Это не метафора, а цена, которую платишь, когда решаешь заглянуть в тёмную комнату и не включать свет.

Эта рукопись далась мне не тяжестью работы, а тяжестью узнавания. Я переписывала главы не потому, что они были слабыми, а потому, что они были слишком правдивыми. Каждое слово здесь выстрадано не стилем, а опытом. Опы-

том смотреть в глаза человеку, который только что переступил черту. Опытом знать, как звучит голос того, у кого больше нет выбора. Я не искала лёгких путей ни для героев, ни для читателя.

Что вы найдёте на этих страницах? Не погони и не перестрелки. Не чёрно-белый мир, где зло наказуемо, а добро побеждает. Вы найдёте людей, чьи души имеют тёмные углы, которые они сами боятся осветить. Людей, которые не умеют быть удобными. Каждый из них платит за свой выбор — и плата эта никогда не бывает справедливой. Кто-то возненавидит эту книгу за её безжалостность. Кто-то полюбит за то, что она не врёт. Я не прошу любить моих героев — я прошу только одного: попытайтесь их понять, даже когда это кажется невозможным.

«Красные псы» — это только первый акт. И я верю — нет, я знаю, что это не просто книга. Это проект, который выйдет за пределы страниц. Я вижу его на экранах. Я вижу эти кадры живыми — в движении, в свете, в монтаже, который режет дыхание. Эта история ждала своего часа не для того, чтобы остаться в тишине. Она ждала, чтобы зазвучать громко. И она зазвучит.

Помните: самый страшный враг — не тот, кто держит пистолет, а тот, кто говорит вам: «Сделай это ради меня». — И вы слушаетесь.

Не только на этих страницах.

Пролог

Лезвие вошло легко — сталь скользнула сквозь кожу и упёрлась во что-то твёрдое. Короткий сухой звук, похожий на щелчок выключателя, когда слишком сильно на него нажимаешь. Тело подо мной даже не дёрнулось. Оно просто перестало быть целым — разъехалось в стороны, открывая тёмную, влажную глубину, которая секунду назад была живой.

Сейчас, спустя годы, я понимаю: кровь пошла не сразу. Сначала показалась тонкая нить, потом — толчок, ещё один, и лишь затем она хлынула потоком, заливая мои пальцы. Тёплая, густая жидкость заполнила ладони, поползла к запястьям, затекая под рукава футболки. Я до сих пор помню этот звук — как она растекалась по светлому линолеуму. Тяжело, влажно, мерно. На полу расплывались пятна. Они разрастались, соединялись друг с другом, превращаясь в карту какого-то чужого, пугающего материка.

Ни страха, ни тошноты, ни отвращения. Тогда я чувствовала только одно — жадное, голодное любопытство. Мне до смерти хотелось понять, в какой именно момент крик срыгается на хрип. Когда воздух перестаёт проходить, оставляя лишь бульканье, а затем — пустоту. Я заворожённо смотрела на то, что осталось от её шеи, и ждала. Знала: когда всё стихнет, наступит конец. Мне нужно было зафиксировать этот

переход. Запомнить его навсегда.

Воспитательница схватила меня за плечо и швырнула в угол, к стеллажу с игрушками. Я сильно ударилась спиной о полки. Сверху посыпался привычный детсадовский хлам: разноцветные кубики, пластиковые куклы с мертвенно закрывающимися глазами и плюшевый заяц с оторванным ухом. Но я не заплакала. Сидя на полу, я просто рассматривала свои ладони. Кровь быстро подсыхала, превращаясь в бурую корку. Она стягивала кожу на сгибах пальцев, мешала шевелиться и ощущалась как чужая, старая маска. Женщина нависла надо мной. Её лицо, перекошенное и мокрое от слёз, казалось уродливым. Она трясла меня, крича так истошно, что во все стороны летела слюна. Что-то про грех, про полицию, про тюрьму и божью кару. Но её голос долетал до меня, словно сквозь плотный слой ваты, — обрывки фраз, бессвязный шум. Я не вникала в смысл. Мой взгляд намертво прилип к толстой синей вене на её шее. Она так смешно надувалась и пульсировала при каждом выкрике. Помню, как в голове мелькнула мысль: если ткнуть в неё ногтем, она лопнет так же легко, как та, первая? Или придётся надавить сильнее?

В суматохе воспитательница вытащила меня на улицу. Нас вывели на задний двор вместе с остальными детьми. Они сбились в кучу у крыльца: кто-то ревел навзрыд, кто-

то просто гипнотизировал пустоту широко раскрытыми глазами. Взрослые метались, кричали, сталкивались лбами — создавали много панического шума, но не делали ничего полезного. А я стояла в стороне и смотрела сквозь них. Туда, где в глубине здания осталась лежать девочка. Теперь, когда она перестала хрипеть и дёргаться, интерес к ней мгновенно пропал. Стала похожа на куклу, у которой внезапно сели батарейки. Пока она двигалась и издавала звуки, в ней была жизнь, было любопытство. А теперь внутри неё обнаружили лишь пластик и пустота. Я ведь не желала ей зла. Мне просто хотелось понять, как она устроена. Зачем все так орут?

Мама ждала у самых дверей. Она не пыталась зайти внутрь, не делала ни шагу мне навстречу. Она судорожно прижимала к груди старую кожаную сумку — словно щит, способный укрыть от обрушившегося кошмара. От мамы, как всегда, пахло зелёным чаем из термоса и дешёвыми мятными конфетами. Она смотрела на меня в упор. Лицо — белое, как мел, глаза — огромные. Но в них не было ни жалости, ни гнева. Только липкий, парализующий ужас. И кое-что ещё, чему тогда я не находила названия. Лишь спустя годы я осознала: это было узнавание. Мама ждала этого дня. Она всегда знала, что рано или поздно это случится. И теперь, глядя на меня, она просто получила подтверждение своим самым древним, самым тёмным страхам.

Я подошла к ней вплотную и протянула руки, демонстрируя ладони. Засохшая бурая корка на коже уже потрескалась и осыпалась на землю мелкими хлопьями.

— Мам, у меня руки грязные, — сказала я. Мой голос звучал ровно и спокойно.

Мама дёрнулась, будто я ударила её. Она мёртвой хваткой вцепилась в моё запястье — сильно, до синяков — и молча потащила прочь от детского сада. Мы неслись мимо серых панельных девятиэтажек, вдоль пустых игровых площадок. Качели раскачивались от ветра, издавая противный, скрипучий звук — точь-в-точь как предсмертный писк котёнка, на которого наступили. Мы шли слишком быстро. Мама дышала шумно, с присвистом, её ногти глубоко впивались в мою кожу, но я не вырывалась.

В прихожей до сих пор пахло жареным луком и сладким пирогом с вареньем. Стоило двери хлопнуться, как она резко развернулась и с размаху ударила меня по лицу. Наотмашь. Некрасиво. Совсем не так, как показывают в кино, где жертва изящно падает на колени и закрывает лицо руками. Из маминого горла вырвался хрип — звериный, дикий. Будто это ей самой только что перерезали шею.

— Вся в него! — кричала она, захлёбываясь в истерике.

— Копия! Мы ведь всё закопали! Переехали, сменили город, фамилии! Зачем... зачем ты опять это вытащила?!

Она кричала про какого-то «него», но в свои пять лет я не понимала, о ком речь. Для меня это были лишь пустые звуки. Я слизнула кровь с разбитой губы, нащупав языком треснувшую кожу на внутренней стороне щеки. Было солёно и отдавало металлом. Знакомо. И почему-то вкусно.

Позже домой вернулся Алексей, мой отчим.

Он вошёл в прихожую в безупречно выглаженной белой рубашке, строгих тёмных брюках и начищенных до блеска туфлях. Свой пиджак он аккуратно держал на сгибе локтя. Его тёмно-карие глаза смотрели на меня абсолютно спокойно. Пусто. Без единой эмоции. Отчим не спрашивал, что стряслось. Не ругал и не утешал. Он просто медленно запустил руку во внутренний карман пиджака и достал старый, потёртый блистер фольги. Одним точным нажимом большого пальца он выдавил серую круглую таблетку с глубокой разделительной полосой посередине. На пластинке не было никаких надписей — только блёклые цифры, выдавленные на обороте.

Он протянул мне таблетку и приказал:
— Глотай.

Я не стала спрашивать, что это и зачем. В нашей семье вопросы вообще не задавались — особенно когда отчим говорил своим властным тоном. Холодным, ровным, не терпящим ни единого возражения. Я взяла серый кругляш двумя пальцами, положила на язык и попыталась сглотнуть. Таблетка оказалась сухой, шершавой, она отвратительно пахла мелом и чем-то химически горьким. Слюны не хватало, лекарство намертво прилипло к нёбу. Пришлось с силой напирать горло, чтобы протолкнуть его внутрь. На секунду показалось, будто я жую стиральный порошок, смешанный с пылью: рот мгновенно пересох, язык онемел, а к гортани подкатил тяжёлый, кислый ком. Насилу проглотив её, я почувствовала, как по пищеводу покатилась ледяная, горькая волна.

И мир в то же мгновение перевернулся.

Яркие цвета потускнели, резкие звуки отдалились и завязли, словно в болотной жиже. Исчезли все запахи: горелого лука, сладкого пирога, маминых мятных конфет и моей собственной крови на пальцах — всё стёрлось, выцвело. Тень от абажура на потолке превратилась в расплывчатое серое пятно, тяжело давившее на глаза. Жирная муха лениво ползла по оконному стеклу, волоча за собой перебитую заднюю лапку. Ещё минуту назад мне до дрожи хотелось поймать её

и медленно оторвать крылья. Теперь мне стало плевать — мне вообще больше ничего не хотелось.

Это было странно. Из меня словно выкачали весь воздух. Не осталось ни злости, ни того сладкого, горячего зуда в ладонях, который ещё минуту назад требовал снова схватить нож и повторить всё сначала. Только абсолютная пустота. Отчим стёр меня за одну секунду. Я превратилась в такую же поломанную игрушку, как та девочка на линолеуме. Я сидела и смотрела перед собой, переставая чувствовать собственное тело.

Он равнодушно взял меня за плечи, поднял на ноги и отвёл в спальню. Толкнул на кровать и натянул одеяло до самого подбородка, словно упаковывал вещь.

— Спи, — бросил он и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Я уставилась в потолок, не моргая. Из-за стены доносилось глухое, монотонное шуршание. Взрослые говорили шёпотом, но в панельном доме даже шёпот бился о бетонные стены, превращаясь в зловещий гул. До меня долетали лишь рваные, леденящие куски фраз: «...увеличим дозировку...», «...в этот сад она больше не пойдёт...», «...придётся снова менять документы...». Я честно пыталась вслушаться, уце-

питься за смысл, но звуки уже расплывались. Веки налились свинцом и закрылись сами собой. Препарат действовал безотказно. Хладнокровно и грубо он выжигал в моей голове всё живое — участки мозга, отвечающие за желания, за порывы, за ту тёмную, голодную часть меня, которая только что впервые вышла наружу. Родные люди насильно делали меня безопасной. Удобной. Предсказуемой. Меня превращали в идеальный пустой манекен — такой же, как все они.

Тогда, в свои пять лет, я не могла понять главного. Отчим меня не лечил — он просто заливал бушующий лесной пожар жидким бетоном. Таблетки не способны уничтожить то, что укоренилось в самой моей сути. Химия лишь временно блокировала рецепторы, замедляла передачу импульсов и создавала глухой шум, мешавший мне слышать собственные желания. Но у этой заглушки изначально был срок годности. Любой живой организм адаптируется: печень учится расщеплять токсины быстрее, рецепторы перестраиваются, и искусственный туман неизбежно рассеивается. С каждым годом препарат действовал всё слабее, сбоил, менял свойства. Замок на этой клетке медленно ржавел. Я знала — в один прекрасный день он просто развалится. И тогда ко мне вернётся всё: влажный, короткий всхлип разрезанной плоти и вкус тёплого металла на языке.

Каждое моё утро на протяжении долгих лет начиналось

одинаково: отчим доставал блистер, выдавливал серую таблетку и протягивал мне. Мать в этот момент всегда стояла у плиты спиной к нам или пряталась в ванной. Ей было легче не видеть. Не участвовать. Не думать о том, что именно они день за днём творят со своей дочерью.

Отчим искренне верил, что горсть таблеток способна навсегда переписать мою природу. Он ошибался.

Обещание

— Мы всегда будем вместе.

Вика бросила это на ходу, не оборачиваясь. С той дурацкой лёгкостью, с какой говорят о погоде или планах на выходные. Она шла на полшага впереди, перепрыгивая через трещины в асфальте, и её бордовые волосы смешно раскачивались в такт шагам. Вика оказалась единственной, кто вообще заговорил со мной за первый месяц в новой школе. Единственной, кто не косился в коридорах и не замолкал при моём появлении, когда по классам поползли первые слухи.

Я не ответила. Мой взгляд намертво прилип к её запястью. Тонкое, почти прозрачное, с едва заметной синеватой сеткой вен под бледной кожей. Если присмотреться, можно было уловить пульсацию. Люди вообще удивительно хрупкие, нелепые конструкции. Они ходят, смеются, покупают кофе в бумажных стаканчиках, спорят о глупостях, и никто из них не понимает, насколько тонкая плёнка отделяет их от момента, когда весь этот механизм внутри них навсегда перестанет работать.

— Знаешь, почему? — Вика резко развернулась. Я едва не врезалась в неё. Она смотрела на меня в упор и улыбалась. В её глазах горел тот глупый, чистый блеск, который бывает

только у людей, никогда не видевших настоящей грязи.

— Почему? — мой голос прозвучал глухо. Во рту до сих пор стоял въевшийся с утра привкус мела. Таблетка отчима не вымывалась даже тремя стаканами ледяной воды.

— Потому что я так решила, — Вика хмыкнула, схватила меня за пальцы и потянула вглубь сквера, к облезлой деревянной лавке. — Идём, посидим.

Мы сели. Вика болтала ногами, без умолку тараторя про своего кота, который залез в шкаф и расколотил мамину любимую вазу. Я кивала, симулируя интерес, но внутри меня послушно работал совсем другой механизм. Я фиксировала каждый её жест, наклон головы, малейшую интонацию. Я препарировала Вику взглядом, как и всех вокруг — это оставалось единственным способом мимикрировать под нормальную, не ошибаться и не выдавать себя.

А вот Вика не притворялась... Она просто жила. Была тёплой, открытой и абсолютно слепой в своей наивности. Для меня, никогда не знавшей ничего, кроме стерильной изоляции, её тепло стало дефицитным ресурсом. Сперва я воспринимала Вику как эксперимент. Объект на лабораторном столе. Я ошивалась рядом, чтобы скопировать её повадки: понять, как обычные люди смеются, из-за чего плачут, как прощают. Но со временем где-то глубоко под слоями подавляющих таблеток проросло кое-что ещё. Чужое, болез-

ненное. У меня не водилось слов для этого чувства. Мой личный спектр состоял лишь из расчёта, голода и пустоты. Но Вика умудрялась заполнять эту пустоту, это и пугало меня, и вместе с тем было жизненно необходимо.

Вика прервала мои мысли. Она вытянула руку, сжала пальцы в кулак и оставила только один — мизинец.

— Давай клятву, что никогда друг друга не бросим? — в её глазах горела вера в то, что слова способны что-то удерживать.

Я медленно подняла руку. Мой мизинец был длиннее, с едва заметными шрамами у ногтя. Я выпрямила палец и намертво сцепила его с мизинцем Вики.

— Клянусь, — произнесла я. Голос предательски дрогнул.

— Клянусь! — звонко повторила Вика и энергично потрянула наши сцепленные пальцы, будто закрепляя сделку, которая продлится вечность.

Я уже тогда понимала, что вечность — слишком долгий срок. Я знала, что обещания ломаются как сухие ветки, а люди трусливо сбегают, едва узнав правду. Но в тот короткий момент, на старой облупившейся скамейке, я позволила себе поверить. Хотя бы на секунду.

ДВА ГОДА СПУСТЯ

Школьный туалет провонял дешёвым куревом и хлоркой. Облупившийся жёлтый кафель, разбитое зеркало над раковиной и сорванный кран, исходивший монотонным, глухим стуком. Кап. Кап. Кап — этот звук буквально ввинчивался в череп, делая тесную и душную комнату ещё невыносимее. Я стояла у раковины, разглядывая своё отражение: бледная кожа, осунувшиеся скулы, глубокие тени под глазами — живой труп на таблетках.

Дверь с грохотом распахнулась. В туалет ввалились трое. Шаги были лёгкими, но каблуки стучали демонстративно — так ходят те, кто уверен в своей абсолютной власти.

— Гляньте на неё. Опять зависла, — Настя брезгливо поморщилась.

Она была красивой. Высокая, с худой фигурой и идеальными длинными русыми волосами. Настя выглядела как картинка, но в её зелёных глазах горел хищный интерес. Она безошибочно чуяла чужую изоляцию и умела бить точно в цель. За её спиной, как обычно, жались Милана и Алина — два безликих прихвостня, умеющие только заглядывать Насте в рот и подхихикивать.

— Лицо попроще сделай, когда перед тобой стоят, — Настя шагнула вплотную. От неё пахло дорогим парфюмом вперемешку с мятным вейпом. — Думаешь, спряталась? Перевелась сюда и решила, что никто не узнает, почему тебя из прошлой школы выперли? Твоя мамаша по пьяни всё выложила. Весь район уже в курсе, какая ты конченная.

Слухи в маленьком городе — как метастазы. Стоит одному человеку открыть рот, и они за сутки выжигают вокруг тебя любое живое пространство. Их невозможно опровергнуть. От них нельзя отмыться.

Удар в затылок прилетел наотмашь. Моя голова по инерции дёрнулась вперёд, и я впечаталась лицом в фаянсовый край раковины. Из глаз брызнули слёзы, зубы глубоко вонзились в мясо с внутренней стороны щеки. Настя брезгливо толкнула меня в плечо, заставляя отлететь назад. Спина впечаталась в кафель, ледяной холод мгновенно прошил тонкую ткань блузки. Задыхаясь от боли, я подняла глаза и посмотрела на дверной проём.

На пороге стояла Вика.

Она замерла, парализованная увиденным. Лицо — белое, как мел, ладони судорожно сжаты в кулаки. Её взгляд на-

мертво прилип к струйке крови, которая ползла по моему подбородку. Казалось, Вика даже дышать перестала, только пальцы вцепились в деревянный косяк с такой силой, что побелели суставы. Я смотрела на неё сквозь пелену слёз, а в голове упрямо вспыхивали кадры двухлетней давности: нагретая солнцем скамейка, наши сцепленные мизинцы и её звенящий, беззаботный голос: «Мы всегда будем вместе». Вечность, которую мы так легко друг другу пообещали.

— О, Викуля, привет, — Настя даже не повернулась в её сторону, продолжая лениво разглядывать свои идеальные ногти. — А мы тут как раз твоей подружке лицо попроще делаем. Слушай, ты же нормальная, красивая девчонка. Нахрена ты вообще с этой дефектной возишься? С ней же рядом даже стоять стрёмно.

В туалете повисла удушливая, тягучая тишина. Настя обернулась к Вике, приподняв бровь, безмолвно требуя сделать выбор.

Вика сделала шаг назад, трусливо разрывая тот невидимый круг, которым мы были связаны. Она упорно смотрела в пол. На мыски своих туфель, на трещины в плитке — на что угодно, лишь бы не встречаться со мной глазами.

— Соф... — её голос едва заметно дрожал, срываясь на

жалкий шёпот. — Не подходи ко мне больше, ладно? Пожалуйста.

Она развернулась и почти бегом скрылась за дверь.

Настя победно усмехнулась, окинув меня презрительным взглядом сверху вниз.

— Ну вот и всё, монстрик. Свободна, — она хлёстко толкнула меня плечом напоследок и вышла, уводя за собой своих безликих шестёрок.

Дверь с грохотом захлопнулась. Я осталась совершенно одна.

— Вот и истёк срок годности «вечности», — прошептала я в пустоту.

глава 1 — Похоронные лилии

Первый день лета всегда напоминал ловушку. Солнце безжалостно вскрывало город, заливая дворы едким, слепящим светом. Всё вокруг казалось слишком обнажённым: выцветшая краска на качелях, острый запах нагретой резины и удушливая пыль. Для меня этот мир существовал где-то далеко, за границей невидимого барьера, выстроенного утренней дозой таблеток отчима. Я сидела в тени, положив на колени скетчбук с плотными листами, и рисовала лилии. Люди ценили их за аромат, но меня завораживала их безупречная анатомия. Острый грифель послойно препарировал бутоны: выворачивал плотные лепестки, обнажал натянутые тычинки и капли нектара, похожего на лимфу. Цветы были идеальными пациентами — они не кричали, когда их разбирали на части.

На площадке было шумно. Дети визжали на горках, машины на скамейках лениво перемывали друг другу кости. Обычный будний день, безобидный и скучный. Я прикрыла веки, пытаясь отгородиться от чужих голосов.

Свет внезапно погас — на страницу скетчбука упали три плотные тени. Воздух рядом со мной мгновенно пропитался запахом дешёвых сигарет, пота и перегара.

— Смотри-ка, художница, — раздался сверху наглый, хриплый голос.

Я открыла глаза. Передо мной стояли трое местных. Парни с окраин, которые целыми днями ошивались у круглосutoчного магазина, пили дешёвое пиво и искали, до кого бы докопаться.

— Чего малюешь? — усмехнулся бритый, с выпирающей челюстью и мутным взглядом.

Он резко выдернул альбом из моих рук, с треском пролистнул страницы и показушно расхохотался, оглядываясь на своих дружков.

— Пацаны, гляньте, она тут лилии похоронные вырисовывает. Сама бледная, как трупак, и веники у неё такие же,дохлые.

Он с силой швырнул скетчбук в дорожную грязь и с наслаждением наступил подошвой кроссовка прямо на мой рисунок. Графитовый карандаш с хрустом переломился, его обрубок отлетел под качели.

Я медленно поднялась со скамейки. Мой взгляд сам по себе, помимо воли, сфокусировался на его сонной артерии.

На толстой, пульсирующей жилке под грязной кожей. Достаточно одного точного, резкого удара в эту точку, чтобы прекратить подачу кислорода в его пустую голову. Всего одно движение.

— Чего вылупилась? — бритый шагнул ко мне вплотную, обдав волной застарелого алкоголя. Его подельники синхронно сделали полшага вперёд, отрезая меня от тротуара и сужая пространство. — Слышь, пацаны, а девка-то оформилась. Чего мы тут на жаре тупим? Пошли за гаражи, пообщаемся поближе. Может, и свой натюрморт ей намалюем...

Двое других загоготали, предвкушая лёгкую добычу. Самый мелкий резко ухватил меня за плечо, впиваясь пальцами в ткань футболки, а бритый рванул на себя, пытаясь зажать мне рот ладонью. Я рванулась в сторону, но чужие пальцы уже намертво въелись в кожу, оставляя багровые вмятины. Мой хлёсткий перехват по его предплечью оказался бесполезным — этот ублюдок даже не поморщился. Против троих здоровых парней у меня не оставалось шансов.

— Смотри, как дёргается, сучка, — ухмыльнулся он.

Мой взгляд скользнул мимо его сальной физиономии — туда, на площадку. Окружающие реагировали предсказуемо.

Мамаши на скамейках развили лихорадочную активность: поспешно пихали игрушки в коляски и трусливо уводили детей. Одна из них резко закрыла глаза сыну ладонью.

— Не смотри туда. Шагай быстрее.

— Мам, а что они делают?

— Ничего. Пойдём домой, я сказала!

Она почти побежала, волоча ребёнка за собой. Вторая женщина прижала к груди младенца, ускоряя шаг. Третья уже скрылась в подъезде панельной многоэтажки. Пространство вокруг нас мгновенно вымерло, превращаясь в слепую зону. Я давно усвоила этот урок: в моём мире никто не придёт на помощь. Здесь либо ты, либо тебя.

— Слышь, олень. Отвали от неё.

Голос со стороны тротуара прозвучал ровно, без единой лишней эмоции.

Бритый медленно развернул корпус, так и не выпустив моего плеча:

— А ты ещё что за хуйло?

Я перевела дыхание. Незнакомец стоял в паре метров от нас. Высокий блондин со светлыми, почти белыми волоса-

ми и острыми чертами лица. На его шее чернела татуировка змеи с раскрытой пастью и загнутыми клыками. Ещё одна была на правой руке, но рисунок я не смогла разглядеть. В следующую секунду из-за его ноги бесшумно вышел доberman. Крупный, поджарый кобель с лоснящейся чёрной шерстью. Пёс двигался пугающе плавно, без единого лишнего звука, будто являлся живым продолжением тени своего хозяина. Бритый инстинктивно отступил на шаг и наконец-то разжал пальцы. Доберман замер ровно между мной и этой троицей. Из его груди вырвался низкий, вибрирующий рокот. От этого утробного звука внутри всё мгновенно сжалось. Собака даже не скалилась — она просто смотрела им прямо в глаза, готовая сорваться с места по первой команде.

— Псину убери, — выдавил бритый. Наглость с него мгновенно осыпалась, в голосе прорезалась паника.

— Кобель обучен на поражение, — незнакомец ответил спокойно, почти лениво. — Ваш запах он уже запомнил. Всех троих. Попробуете побежать — догонит и порвёт к чертям. На куски.

— Пошли отсюда, пацаны, — сквозь зубы бросил вожак, пятясь назад и боясь повернуться к собаке спиной. — Ну его на хер, с психом связываться.

Они развернулись и быстрым, ломаным шагом припустили прочь со двора. Доберман провожал их тяжёлым взгля-

дом, но с места не двинулся. Лишь когда шаги окончательно затихли за углом панельки, пёс шумно выдохнул, повернул ко мне узкую морду и коротко, словно проверяя на прочность, ткнулся влажным носом в мою ладонь.

— Ты как? — спросил незнакомец.

Я кивнула, с трудом переводя дыхание. Адреналин медленно отпускал, оставляя в коленях противную ватную слабость. Парень подошёл ближе. В его тёмных глазах не читалось сочувствия или тревоги — только изучающее любопытство. Будто он пытался разглядеть за моим внешним ступором что-то ещё.

Я опустила голову, не выдержав этого взгляда. На земле, в серой придорожной пыли, валялся мой скетчбук. Плотные страницы были грубо испачканы протектором кроссовка, лист с лилиями безжалостно разорван пополам. Чуть дальше, под ржавой опорой качелей, сиротливо валялись обломки графита. Я наклонилась, подняла альбом и попыталась стряхнуть налипшую грязь. Медленно перелистнула страницу. Цветы, анатомические наброски, силуэты — всё, во что я вкладывала столько сил, превратилось в грязное месиво.

— Твои? — тихо спросил парень, кивнув на испорченные листы.

— Да, — выдохнула я, чувствуя, как пальцы до боли сжимают картонную обложку. — Сказали, что это похоронные веники.

Парень на секунду нахмурился, скользнув взглядом туда, где скрылась троица.

— Идиоты, — процедил он. — У тебя красивые рисунки. И очень специфический взгляд на вещи.

— Специфический?

— Ты прорисовываешь мелкие детали, — он ткнул пальцем в разорванный набросок. — Лепестки, стебли, изнанку. Большинство людей видят просто красивый бутон, а ты — большее. Это редкость.

— Спасибо, — ответила я. Это было самое честное «спасибо» за последние несколько лет.

Я перевела взгляд на серую железную урну у края скамейки и, не раздумывая, точным движением швырнула скетчбук внутрь. Испорченная бумага с глухим стуком упала на ржавое металлическое дно. В этом мире ничего не хранилось долго.

— Хороший пёс, — тихо сказала я, переводя взгляд на собаку, чтобы поскорее закрыть тему с выкинутым альбомом.

— Граф. Шесть лет уже вместе. Вредный кобель, характер

тяжёлый. Весь в меня.

— По нему и не скажешь, — я протянула ладонь, изучая его гладкую шерсть. — Сейчас он выглядит послушным.

— Он просто умеет притворяться нормальным, — парень хмыкнул, слегка укоротив поводок. — Когда этого требуют обстоятельства. А внутри там тот ещё чёрт сидит, поверь.

«Мы с ним похожи», — мгновенно пронеслось у меня в голове. Я подняла глаза и наткнулась на его прямой ответный взгляд. В этих словах про умение казаться обычным крылось слишком много личного.

— Я Женя, — представился он, протягивая руку. На его предплечье из-под завёрнутого рукава проступили рваные чёрные линии татуировок.

— Софа, — ответила я, коснувшись его пальцев.

Этот день определённо перестал быть скучным.

— Не против прогуляться? — спросил он.

Я молча кивнула, и мы двинулись по тротуару. Граф бесшумно шёл у его левой ноги, идеально подстраиваясь под шаг хозяина. Внутри меня на секунду вспыхнуло робкое, колючее сомнение. Со мной никто и никогда не знакомился на улице. Для этого просто не водилось причин. Нормальные

люди ищут в попутчиках лёгкость, живой интерес, ответную улыбку, а во мне за версту читали только скрытую угрозу. Наверное, стоило испугаться, развернуться и сбежать домой. Доверять незнакомцу с огромным псом сразу после того, как тебя едва не изнасиловали — верх глупости. Здравый смысл тихо подавал голос, напоминая о банальной безопасности. Но я шла дальше, без колебаний, послушно переставляя ноги в такт его шагам. Женя отличался от других людей, в нём было что-то до безумия притягательное. Он не корчил из себя хорошего парня, не пытался заполнить паузы словами.

— Сколько тебе? — спросил он, не оборачиваясь.

— Восемнадцать скоро. А тебе?

— Двадцать, — Женя коротко хмыкнул, продолжая шагать вперёд.

Мы прошли ещё пару дворов в тишине. На удивление, она не напрягала.

— И даже не спросишь, кто я? — Женя наконец притормозил.

— Спросила бы, если бы мне было не плевать, — я поравнялась с ним.

— Адекватные девчонки обычно спрашивают сразу: откуда, что и как.

— Я не из адекватных, — почти про себя произнесла я.

— Заметил, — он мазнул по мне взглядом из-под чёлки.
— Поэтому я и вмешался.

Я остановилась посреди пустой аллеи. Женя замер напротив, развернулся и уставился на меня.

— Ты им не в глаза смотрела, — тихо сказал он. Граф послушно сел у его кроссовок. — А в шею. Думала, куда ударить. Знакомая херня, у меня та же привычка.

Я на секунду оцепенела, пытаюсь понять, серьёзно ли он это говорит. Заметив мою реакцию, Женя вдруг негромко и абсолютно искренне рассмеялся. Вся жуть, которая только что висела между нами, разом лопнула.

Он легонько хлопнул меня по плечу:

— Да ладно тебе, выдохни. Считай, встретила своего человека.

В полумраке его глаза казались почти тёмными из-за расширившихся зрачков.

Женя легко задел меня плечом, увлекая дальше по дорожке:

— Пошли. Хватит на одном месте торчать.

Мы притормозили у заброшенного, заросшего травой

фонтана. Я опустилась на бетонный бортик. Таблетки отчи-
ма продолжали держать в голове глухой туман, но сквозь
него впервые пробивался чистый, незамутнённый интерес.
Женя остался стоять рядом, намотав поводок Графа на ку-
лак.

— Слушай, — он чуть подался вперёд, разом стирая ту
дистанцию, которую я привыкла держать с чужаками. —
Завтра свободна? Хочу познакомить тебя со своим другом.
Думаю, он тебе понравится.

Я коротко кивнула, даже не задумываясь, на что подпи-
сываюсь. Привязанность к Вике когда-то обернулась для ме-
ня хлёстким ударом в затылок на грязном кафеле. Здравый
смысл орал, что нужно валить от этого парня прямо сейчас.
Но внутри уже запустилась цепная реакция.

— Давай номер, — Женя выудил из кармана потёртый,
поцарапанный телефон.

Я на автомате продиктовала цифры. Экран в его руках по-
слушно вспыхнул. Через секунду мой телефон глухо завиб-
рировал в кармане джинсов.

— Проверка связи, — усмехнулся Женя, пряча мобиль-
ник обратно. — До завтра, Софа.

— До завтра.

Он развернулся и пошёл прочь уверенной походкой. Граф послушно следовал за ним, словно приклеенный. Я осталась сидеть на бетонном парапете, провожая их взглядом, пока тёмные силуэты не растворились в сумерках между домами. Только тогда лёгкие наконец расправились. Кажется, всё это время я толком не дышала. В воздухе ещё стоял едва уловимый шлейф его присутствия — приторная вишня, жжёный металл и какая-то давящая, грозовая свежесть.

В кармане коротко завибрировал телефон. Экран высветил сообщение от матери: «Иди домой». Набрав механическое «Иду», я заблокировала экран.

Возвращаться в душную коробку квартиры не хотелось. Я до упора выкрутила звук в наушниках, пуская по венам тяжёлый бит, и зашагала по разбитому асфальту. Тяжёлая музыка намертво заглушала гул вечернего города, но мысли о Жене продолжали ритмично биться в такт басам.

В прихожей пахло дрожжевым тестом и приторной корицей — верный знак, что на кухне сидит тётя Анна, мамина школьная подруга. Она заезжала к нам пару раз в месяц, относила ко мне подчёркнуто нейтрально, но обожала совать нос в чужие дела.

— О, Софка пришла, — её голос донёсся из кухни под ак-

компанемент шкворчащего на сковороде масла. — Ну привет. Рассказывай, где пропадала?

— Привет, — я заглянула на кухню, коротко кивнув.

Мать суетилась у плиты, раскладывая по тарелкам запечённую рыбу и пюре, а тётя Анна уже вовсю накладывала в вазочку свежие пироги.

Я ушла в ванную. Вымыла руки, разглядывая в зеркале свои расширенные зрачки.

Когда я села за стол, тётя Анна тут же подпёрла щёку рукой и уставилась на меня своим фирменным взглядом:

— Ну и с кем ты сейчас гуляла? Видела тебя возле фонтана.

Внутри всё на секунду подобралось, но ложь сорвалась с языка автоматически, словно отрепетированная команда:

— С Викой.

— С Викой? — мамина подруга прищурилась, отламывая кусок пирога. — А мне показалось, парень какой-то высокий. И собака вроде здоровая рядом крутилась. Или у меня уже со зрением плохо?

Мать у плиты на мгновение замерла, ведя плечом. Я спи-

ной почувствовала, как её напряжение заполнило всю кухню.

— Собака чужая была, мимо пробегала, — ровно ответила я, удерживая на лице вежливую полуулыбку. — А Вика тогда, наверное, отошла, звонила отцу.

— А-а, ну, может, — лениво протянула тётя Анна, слава богу, теряя интерес к теме. — Вы дружите, дружите. Вика девочка спокойная, правильная. На тебя хорошо повлияет.

Я молча кивнула. Ни мать, ни её подруга не знали, что Вика уже давно стёрла меня из своей жизни. Что при случайной встрече она теперь ускоряет шаг, пряча глаза в пол.

Дальнейший ужин превратился в монотонный шум. Тётя Анна нудно пересказывала дворовые сплетни: про затопленную квартиру на втором этаже, починенный лифт и пропавшего кота. Мать лениво поддакивала, подкладывая мне на тарелку рыбу. Я механически жевала, совершенно не чувствуя вкуса еды. Все мысли до единой были заняты кареглазым парнем и его псом.

После ужина я сразу ушла в душ. Прохладная вода смыла уличную пыль, но так и не помогла избавиться от зудящего напряжения. Я рухнула на кровать прямо с мокрой головой, сырые пряди мгновенно оставили тёмные расплывающиеся пятна на наволочке. По потолку спальни медленно ползали

жёлтые блики от фар и уличных фонарей.

Ближе к полуночи экран телефона коротко вспыхнул:

Женя: «Привет. Завтра в силе всё?»

Софа: «Привет. Да»

Женя: «Жду у гаражей возле речки. В полвторого сможешь?»

Софа: «Да»

Женя: «Отлично. До завтра!»

Софа: «До завтра»

Я перевернула мобильник экраном вниз. Мысли гасли медленно, утягивая меня в вязкую, тяжёлую полудрёму. Белый шум в ушах трансформировался в обрывки чужих голосов, вибрирующий собачий рокот и чёткое ощущение, что из глухого угла комнаты за мной кто-то пристально наблюдает.

Глава 2 — Берег встеч

Я проснулась в холодном поту. Тело затекло так, словно я всю ночь пролежала на деревянных досках. Подушка сбилась в бесформенный ком, пальцы до судороги впивались в простыню. Сердце испуганно колотилось в груди, лёгкие горели, будто я только что вынырнула из воды.

Кошмар крошился в памяти на острые осколки. В темноте спальни тускло светились красные цифры электронных часов: 03:15.

Я села на край кровати и провела ладонью по лицу. Намокшие волосы облепили шею удушливым кольцом. Я с усилием откинула их назад.

— Снова...

В последнее время сны стали пугающе чёткими. Раньше они казались размытыми снимками, где вместо лиц зияли чёрные провалы. Теперь я видела каждую деталь.

Я опустила босые ноги на линолеум, холодный пол мгновенно заставил меня передёрнуться. За окном ещё стояла плотная темень. Лишь в узком проёме между панельными многоэтажками горел одинокий фонарь. Его свет дрожал в лужах, делая мокрый асфальт глянцевым. Я подошла к окну,

прижалась лбом к стеклу и замерла. В ушах всё ещё звенел ночной хрип, но я никак не могла вспомнить, чей он. Мой? Или кого-то другого?

Я вернулась в постель и пролежала без движения до самого рассвета.

13:30

Погода была подозрительно хорошей. Солнце светило ровно, без удушливой жары, а лёгкий ветерок едва касался лица. Обычно перед встречами с людьми во мне закипал привычный невроз — дурацкая необходимость фальшиво улыбаться, подбирать слова и казаться нормальной. Сейчас этого не водилось. Было лишь странное волнение — так чувствуешь себя перед прыжком с обрыва: страшно до спазма в желудке, но сделать шаг назад уже невозможно.

Впереди показались ржавые линии лодочных гаражей. Женя стоял ближе к тропе. Графа рядом не было. Чуть поодаль застыл второй парень. Засунув руки в карманы потёртых джинсов, он неподвижно смотрел на серую гладь реки. Ветер бережно трепал его чёрные волосы.

Женя заметил меня первым и широко улыбнулся.

— Привет, Софа! — голос Жени отразился от ржавых

стен гаражного кооператива.

— Привет, — ответила я, замедляя шаг.

— Это Ян, — Женя кивнул в сторону приятеля.

Ян лениво повернул голову. Светло-голубые, почти прозрачные глаза смотрели внимательно, но без этой обывательской оценки. Спокойный взгляд. Чёрные пряди падали на лоб, отбрасывая резкую тень на лицо, а правую руку от плеча до самого запястья покрывала сложная татуировка с геометрическим узором.

— Привет, — негромко произнёс Ян.

На его губах играла едва заметная улыбка. Внутренний голос в моей голове одобрительно заткнулся.

— Отлично, контакт есть, — Женя звонко хлопнул в ладоши, разбивая секундную паузу. — Двигаем за мной.

Мы спустились по узкой тропке к самой воде. Ян шёл чуть правее, подстраиваясь под мой шаг. Запустив пальцы в карман джинсов, я нащупала знакомую фольгу. Там оставался последний серый кругляк — моя единственная страховка на сегодня. На ходу, не привлекая внимания, я ловко выдавила таблетку в ладонь и всухую проглотила её. Через пару минут в затылке разлилась привычная, давящая тяжесть. Рань-

ше она давила сильнее, но, видимо, с возрастом нужно повышать дозировку, чего я не хотела делать.

Боковым зрением я ловила движения Яна. Иногда он переводил взгляд на Женю — едва заметно, с какой-то понимающей, ободряющей улыбкой. Между ними явно существовала старая связь, не требовавшая лишних слов. Это переглядывание длилось долю секунды, но от него веяло таким странным, чужим для меня уютом, что я невольно ухмыльнулась. Женя тем временем свернул к одному из боксов. Ржавая металлическая дверь со скрежетом отъехала в сторону, и спустя минуту он вернулся с большим клетчатым пледом. Ткань немного выцвела, но пахла чистым стиральным порошком.

— Устроим пикник! — объявил Женя, небрежно швырнув плед Яну. — Расстилайте у берега, а я за едой. Вы ведь голодные?

— Жень, мы только пришли, — Ян легко перехватил ткань одной рукой. — Притормози, куда ты несёшься?

— Самое вкусное разберут! — отмахнулся Женя, уже пытаясь к выходу. — Я мигом. Не скучайте!

Ян проводил его коротким взглядом и повернулся ко мне. Теперь его внимание безраздельно принадлежало мне.

— Идём, — он кивнул в сторону песчаного откоса у воды.

Мы спустились по едва заметной тропе через траву. Под подошвами зашуршал мягкий речной песок. Вода у берега казалась прозрачной, но на глубине темнела, отливая холодным блеском. Мощное течение с негромким гулом разбивалось о чёрные валуны у кромки. Ян расстелил плед чуть в стороне, под старой разросшейся ивой. Её длинные ветви свисали до самой земли, образуя плотную зелёную стену.

Ян сел, удобно скрестив ноги, и уставился на воду.

— Красиво здесь, — я устроилась рядом, поджав колени.
— Не знала про это место.

— Сюда мало кто ходит, — негромко отозвался Ян. —
Женя говорил, тебе скоро восемнадцать?

— Через месяц. А тебе сколько?

— Девятнадцать.

Между нами повисла пауза. Нормальное, не давящее молчание, в котором отчётливо слышался каждый всплеск волны.

— Я раньше занимался фигурным катанием, — неожиданно произнёс он. Его голос стал мягче. — С шести лет. Тренировки каждый день, сборы, лёд, соревнования. Вся жизнь по минутам.

— И бросил? — осторожно спросила я.

— Пришлось, — он наконец повернулся ко мне, в его глазах отразился блик от воды. — По семейным обстоятельствам. Иногда жизнь просто забирает у тебя то, чем ты дышишь, и назад уже не вернёшь. Приходится перестраиваться.

— Да... это так себе, — тихо ответила я.

— Это просто жизнь, — Ян едва заметно улыбнулся. — Лёд научил меня главному: упал — вставай. Ошибок на льду никто не прощает, так что нечего сопلي распускать. А ты? Ходила куда-нибудь? Спорт, кружки, хобби?

Я пожала плечами, ковыряя пальцем тёплый песок у края пледа. Мелкие крупички послушно скатывались с ладони.

— В детстве меня отдали на танцы, — призналась я, не поднимая глаз. — Но я быстро бросила. Не получалось ладить с людьми. Постоянно чувствовала себя там лишней и чужой. Так что я просто забила на это. Сейчас чисто для поддержания формы в зал хожу, а в свободное время рисую.

— Больше ничего не хотелось попробовать? — Ян едва заметно подался вперёд.

— Хотелось, — я облизала пересохшие губы. — Но отчим никогда бы мне этого не позволил. Он у меня... очень строгий. Шаг влево, шаг вправо — скандал. Контролирует каждый мой вздох. Так что все мои «хотелось» так и остались в голове.

Ян внимательно посмотрел на меня, и в его взгляде проскользнуло странное понимание.

— Понимаю, — тихо сказал он. — Строгие родители — это отдельный вид ада. А чего тебе хотелось бы?

— Стрелять, — я сделала небольшую паузу. — Отчим бы меня за одну такую мысль убил.

— Ого, а почему именно стрельба?

— Контроль — удивительное чувство, — продолжала я, окончательно теряя бдительность из-за расслабляющего действия таблетки. Мне было настолько комфортно с ним, что не хотелось ничего утаивать. — Когда ты полностью контролируешь своё тело, каждый удар сердца и каждую чёртову мысль перед выстрелом. Весь хаотичный мир вокруг просто исчезает, сужаясь до одной-единственной точки — маленького чёрного круга на мишени. Задерживаешь дыхание, ловишь баланс, справляешься с отдачей. И в этот миг только ты решаешь, что будет дальше. Никто больше.

Я резко замолчала, внезапно осознав, что болтаю слишком много. Но Ян не выглядел шокированным. Наоборот, он смотрел на меня с каким-то пониманием.

— Хорошее желание, — тихо произнёс он, чтобы развеять мою внезапную неловкость. — Ты ищешь точку опоры

там, где другие паникуют. Лёд, кстати, давал мне то же самое. Когда ты на скорости, мозг наконец-то затыкается. Есть только ты и траектория.

Я едва заметно выдохнула. Внутри разлилось облегчение от того, как правильно он меня понял.

— Отчим прям поехавший?

— Ну... — я осеклась, не зная, какие слова подобрать.

— Не продолжай, — наконец произнёс Ян. — Я понял.

На секунду его взгляд скользнул в сторону. Пальцы сжали край пледа, а затем медленно расслабились — будто он мысленно отдал себе команду успокоиться и не портить этот момент. Я оценила его деликатность. Обычные люди редко соблюдают чужие границы — они бесцеремонно лезут в душу с дурацкими советами в духе «просто поговори с родителями», вообще не соображая, как устроен чужой мир.

В этот момент из зелёных ветвей ивы вынырнул Женя. Запыхавшийся, с огромным шуршащим пакетом, набитым чипсами, газировкой и свежей выпечкой. Он шумно плюхнулся на плед рядом со мной, взметнув в воздух мелкие песчинки.

— Ну что, не скучали тут без меня? — его весёлый голос

подчёркнуто громко разрезал тишину.

— Нет, — ровно ответил Ян. — Мы говорили о жизни.

— О жизни? — Женя хмыкнул, лукаво покосившись на меня. — Софа, не слушай его, он у нас местный философ. Загрузит экзистенциальной ерундой, потом хрен выберешься. —

Он с задорной улыбкой протянул мне пачку сухариков:

— Держи. Лучшее средство.

— От философии? — я удивлённо подняла бровь, принимая яркую упаковку.

— Золотой стандарт терапии! — Женя говорил с такой серьёзностью, будто делился важным открытием. — Если тебе паршиво — ешь. Если кто-то рядом начинает грузить судьбой и бренностью бытия — просто сунь ему в рот еду. Он сразу заткнётся и начнёт жевать. Проверено на практике.

— Я не говорил о судьбе, — лениво отозвался Ян.

— Ты о ней не говоришь, ты ею живёшь. Это куда хуже, поверь.

Я невольно рассмеялась.

— Он тоже умеет расслабляться, когда надо, — сказал Женя, устраиваясь поудобнее и хрустя пачкой. — Ты не думай, что он всегда такой душный. Просто сегодня первый день знакомства. Дальше будет проще.

А дальше мы заговорили о пустяках: музыке, фильмах и о том, какая газировка меньше отдаёт химией. Женя без умолку травил байки, Ян вставлял короткие, едкие, но чертовски точные замечания, а я ловила себя на мысли, что мне впервые за много лет по-настоящему спокойно. Острая, почти циничная манера Яна смотреть на мир парадоксальным образом располагала к себе. В их компании всё казалось простым.

— Знаешь, Соф, — Женя отпил из бутылки, задумчиво глядя на реку, — самая большая ошибка людей в том, что они считают хищником того, кто громко рычит и скалит зубы. На самом деле настоящий хищник молчит и улыбается. До тех пор, пока ты сама не подойдёшь к нему вплотную.

— Звучит жутко, — ответила я.

— Зато честно, — подмигнул он, мгновенно сбрасывая серьёзный тон. — Ешь давай, а то Ян сейчас всё в один пристук уничтожит.

Солнце медленно заваливалось за горизонт, окрашивая воду в глубокие, багрово-золотые тона. Длинные тени вытягивались по траве, уютно укутывая наш берег.

— Кстати, я ещё попкорн взял, — Женя с гордым видом выудил из пакета новую пачку. — Думал, пригодится для драмы, но день прошёл как-то слишком мирно.

— Какая предусмотрительность, — хмыкнул Ян.

— Мой главный талант, — отозвался Женя с набитым ртом.

— Твой талант — это сметать всё съедобное в радиусе километра и не давиться, — фыркнул Ян, качая головой.

— Это не опыт, а тренировки. Ловите, — он бросил нам по пригоршне кукурузных зёрен.

— Мы тебе не голуби, — лениво возмутился Ян, но попкорн перехватил.

Я молча переводила взгляд с одного на другого. Меня не называли монстром, от меня не шарахались, не разглядывали со скрытой брезгливостью, как это вечно делали врачи или мать. Эти двое общались со мной, как со своей. Словно мы уже были знакомы раньше.

«Один на миллион», — подумала я, наблюдая, как Женя пытается отобрать у Яна последний сухарик, а тот вслепую прячет его за спину, даже не поворачивая головы.

Вечер опустился стремительно. Небо над рекой стало совсем чёрным.

— Смотрите, — негромко произнёс Женя. В его голосе неожиданно прорезалось что-то детское.

Я закинула голову. В вышине рассыпались тысячи мелких, острых огней. Они казались неестественно яркими и близкими. Прямо над нами пролетела падающая звезда — тонкая серебряная черта. Она исчезла так же быстро, как появилась, оставив в темноте лишь мимолётную блёклую вспышку.

— Загадай желание, — предложил Женя, не поворачивая головы.

— А ты? — спросила я.

— Я уже.

— И что? — я повернулась к нему, но в темноте видела лишь силуэт, очерченный блёклым звёздным светом.

— Чтобы этот день никогда не заканчивался, — произнёс он почти шёпотом.

От его слов внутри что-то дрогнуло. Это звучало слишком просто и одновременно несбыточно. Ян никак не прокомментировал реплику друга, лишь едва заметно кивнул каким-то своим мыслям. Он продолжал рассматривать небо, будто растворившись в ночной прохладе и полностью разделяя это желание.

— Пора, — Женя нарушил тишину с явным сожалением. Он рывком сел и потянулся. — Уже поздно. Софу надо проводить.

— Я сама доберусь, — сказала я, чувствуя, как свежий ночной ветер пробирает сквозь тонкую ткань. — Тут близко, дорогу знаю наизусть.

— Исключено, — Ян поднялся на ноги единым, плавным движением. — Проводим. На улице темень, мало ли кто ошивается во дворах.

— Я справлюсь, — ответила я, но уже без особой уверенности.

На самом деле мне до безумия хотелось, чтобы они пошли со мной. Хотелось как можно дольше растянуть этот вечер. Просто побыть рядом в этой удивительной тишине, где не нужно защищаться от всего мира.

— Мы справимся вместе, — улыбнулся Женя, подхватывая пустой пакет. — Так быстрее и безопаснее. Кто будет слушать наш бред завтра, если с тобой что-то случится?

Мы быстро свернули плед, стряхнув налипший песок. Женя проверил, не оставили ли мы мусор, и мы двинулись вверх по тропинке. Знакомая дорога, по которой я ходила сотни раз, рядом с ними казалась совершенно другой.

— Вот и мой дом, — выдохнула я, когда мы остановились у подъезда.

Кирпичная девятиэтажка встретила нас тусклым, мертвенным светом фонаря над козырьком.

— Спасибо, что проводили. Мне правда было хорошо с вами.

— Не за что, Соф, — негромко ответил Ян. Его прозрачные глаза даже в полумраке двора сохраняли пугающую ясность. — Если что-то пойдёт не так — сразу набери мне. Мой телефон всегда включён.

— И мой, — подмигнул Женя.

Я дождалась, пока парни свернут за угол, приложила магнитный ключ к домофону и шагнула в душный, пахнущий сыростью подъезд. Поднимаясь на лифте, я чувствовала, как внутри с каждым этажом нарастает страх. Я максимально тихо повернула ключ в замочной скважине и приоткрыла входную дверь, надеясь проскользнуть в свою комнату незамеченной. Не вышло. В прихожей мгновенно вспыхнул резкий, бьющий по глазам свет. Из кухни тяжёлым шагом вышел отчим. Мать трусливо жалась позади него.

— Где тебя носило?! — рявкнул он так, что у меня заложило уши. — Время полпервого ночи! Ты совсем берега попутала? Телефон тебе нахрена купили, просто так в кармане таскать?!

Я постаралась сделать глубокий вдох и выдох, сохранив частичное спокойствие.

— Он сел.

— Ах, сел?! — отчим сделал шаг вперёд, мгновенно стирая между нами пространство. — Ты мне ещё врать тут будешь, дрянь?

Удар по щеке прилетел ощутимый. Голова дёрнулась в сторону, в глазах на секунду потемнело, а кожа на лице сразу запылала пожаром. Из горла не вырвалось ни звука — я лишь крепче сжала челюсти.

— Живо в комнату! — крикнул отчим, тяжело дыша. — Оборзела в край.

Я ничего не ответила. Повернулась и быстрым шагом ушла в свою комнату. Захлопнула дверь, повернула замок до щелчка и рухнула спиной на кровать, даже не снимая джинсов.

А телефон в кармане, который на самом деле был заряжен, вдруг беззвучно завибрировал.

◇◇◇

Женя резко притормозил. Расслабленная, открытая улыбка, которую он удерживал на лице весь день, сошла разом.

Ян остановился рядом, молча прислонившись спиной к кирпичной кладке дома. Женя полез во внутренний карман, достал второй, дешёвый кнопочный телефон и нажал одну клавишу.

— Это я, — бросил он в динамик.

— Слушаю, — раздался в ответ искажённый, механический голос.

— Всё в силе, — Женя мазнул быстрым взглядом по тёмным окнам Софиной квартиры на верхнем этаже. — Идёт на контакт без колебаний.

— Отлично. Вводите её в следующий круг, — приказал собеседник. — Действуйте по протоколу.

Связь коротко пискнула и оборвалась.

03:00

Экран телефона на тумбочке коротко моргнул, разрезая темноту спальни тусклым светом. Я перевернулась на бок и протянула руку к мобильному.

Женя: «Мы дома».

Софа: «Хорошо».

Женя: «Чего не спишь?»

Софа: «Не получается».

Женя: «Поедешь утром с нами на карьеры? Приятель позвал. Будет круто».

Софа: «Давай».

Женя: «Тогда наберу, как выдвигаемся. Спокойной ночи.»

Софа: «Доброй ночи.»

Я отложила телефон в сторону.

Это была первая за долгие годы ночь, в которой не существовало чужих надрывных хрипов и залитых кровью кафельных стен. До самого утра мне снились только бескрайние яркие звёзды, мерный шум реки под ивой и спокойные, надёжные лица.

Глава 3 — Карьеры

Утро началось не с солнца. Оно началось с катастрофы.

В 09:15 Синдром отмены превратил тело в одну сплошную оголённую клемму.

Первым включился звук. Тонкий, едва уловимый писк, похожий на комариный зуд, за секунду разросшегося до глухого монотонного набата. Частота была настолько высокой, плотной, что барабанные перепонки внутри черепа будто плавилась. Я попыталась подняться, но пол ушёл из-под ног. Комната завалилась набок, перевернулась вверх дном. Тяжёлое, чугунное головокружение швырнуло меня обратно на кровать, а к горлу мгновенно подступил горячий ком.

«Таблетки. Нужно найти таблетки», — судорожно хваталась я за мысль.

В лёгких стало тесно. Пришлось сползти на четвереньки — удержать равновесие на ногах было физически невозможно. Перед глазами всё плыло. Кое-как цепляясь за косяк, я вывалилась в пустой коридор. Родителей дома не было. К счастью или к несчастью — думать об этом не хватало сил.

Пошло лихорадочное, слепое метание по комнатам. Из-

за гула в ушах зрение сузилось до размеров тёмного туннеля. Влетев в родительскую спальню, я рванула дверцу платяного шкафа, выворачивая карманы пиджаков отчима. Пусто. Пальцы дрожали так сильно, что ткань выскальзывала из рук. В ванной я просто снесла навесную полку — по кафелю с грохотом полетели тюбики, щётки, бритвенные станки. Ничего. Моего спасения здесь не было. Тайники отчима, где он держал запасные блистеры, оставались под замком. А ключи он увёз с собой.

Накатила крупная, изнуряющая дрожь. Без химии мир вокруг терял обтекаемость — он становился смертоносным. Каждый угол мебели казался заточенным лезвием, готовым вспороть кожу. Кое-как, оставляя на обоях влажные следы ладоней, я добралась до кухни. Перевернула стакан, схватила из раковины первую попавшуюся кружку и крутанула кран. Ледяная вода. Трясущиеся руки расплёскивали жидкость на пол, но я силой прижала край к губам. Один жадный глоток, второй, третий. Холод обжёг пищевод, заставляя внутренности сжаться.

Это сработало как электрошок. Звон не исчез, но отступил, увяз где-то на периферии сознания, превратившись в далёкий гул. Я вытерла рот тыльной стороной кисти, тяжёло навалилась на кухонный гарнитур и подняла глаза на настенные часы. Время поджимало. До 13:30 оставалось всего ничего, а Женья и Ян были единственной причиной терпеть

этот ад. Пришлось силой переключить мысли на сборы.

Я вытащила из шкафа купальник, натянула шорты и свободную белую футболку. Перед зеркалом в прихожей быстро перебрала пальцами волосы — рваная стрижка легла небрежно, подчеркнув острые скулы. Кожа после вчерашнего дня на реке сохранила лёгкий загар. Минимум косметики, короткий взгляд на отражение.

На обочине у автобусного павильона я оказалась минута в минуту. Точно в срок к остановке бесшумно подкатил чёрный седан с запylёнными боками и глухой тонировкой. Стекло со стороны водителя поползло вниз. Женя привычно улыбнулся:

— Запрыгивай! — он мотнул головой в сторону заднего сиденья. На переднем уже устроился Ян.

Я выдавила ответную улыбку и скользнула в прохладу салона. Отсюда, из полумрака, было удобно наблюдать за ними обоими. На душе сразу отпустило — их присутствие перекрывало действие любых таблеток.

— Погнали, я обязан обойти этого придурка! — азартно бросил Женя.

Машина резко рванула с места, сорвав шины в пронзительный визг на горячем асфальте.

Низкие басы трека долбили прямо в грудную клетку. Обшивка дверей ощутимо вибрировала. Этот плотный, вибрирующий шум помогал — он заживо хоронил остатки утреннего звона в ушах. Женя рулил одной рукой, второй весело отбивал ритм по приборной панели. Ян сидел прямо, лениво залипая в лобовое стекло. Деревья вдоль трассы сливались в сплошную зелёную стену.

Через полчаса гладкий асфальт кончился. Колёса глухо зашуршали по грунтовке, салон затрясло на ухабах. Женя крутанул ручку громкости назад, возвращая в салон реальность.

— Почти на месте.

Машина одолела последний крутой подъём и замерла у самого края обрыва. Внизу раскинулись карьеры. Вода там была нереально голубая, почти бирюзовая — как горное озеро. Тёплый ветер принёс со дна котлована густой, приторный запах сосен и горьковатый минеральный аромат мела. Склоны карьеров, поросшие выгоревшей травой, спускались к воде ровными ступенчатыми уступами, похожими на ярусы заброшенного амфитеатра.

— За нами, случайно, не Ярик плетётся? — Ян прищурился, разглядывая боковое зеркало.

Женя мазнул взглядом по отражению:

— О, точно. Наш гонщик.

Он дважды ударил по клаксону, опустил стекло и высунулся наружу, подставив лицо ветру:

— Я снова первый!

Машина замерла на утопанной грунтовой площадке. Стоило Жене заглушить двигатель, как навалилась звенящая тишина. Сзади, тяжело просев на амортизаторах, затормозила тёмно-синяя «Тойота». Из неё выскочил парень — высокий, растрёпанный, в светлой майке. Громко хлопнув дверцей, он пошёл к нам размашистым шагом. Женя уже ждал его, небрежно оперевшись на капот.

— Ну что, чемпион? Опять слил.

Парень фыркнул, смахнул со лба влажные кудрявые волосы и крепко перехватил протянутую ладонь Жени:

— Я дал тебе фору, не обольщайся.

— Отмазки, — хмыкнул Женя.

Приехавший переключился на Яна, который как раз вы-

бирался из салона, разминая затёкшую спину:

— Привет, Ян.

— Здравова, — бодро отозвался тот, вскидывая руку.

Я отошла к самому обрыву, едва переставляя ватные ноги. Посмотрела вниз, на воду, но безумные, кислотные блики от солнца так сильно резали глаза, что к горлу снова попёрла тошнота. Без чёртовых таблеток отчима мир словно сорвался с цепи: контрастность выкрутили до предела, звуки стали резкими, запахи — удушливыми. Главное — чтобы никто не заметил.

Из «Тойоты» тем временем выбралась девушка. Светлые длинные волосы тут же растрепал ветер. На ней был яркий оранжевый купальник, а поверх — наброшенная на плечи мужская рубашка, завязанная узлом на талии. Она бесшумно прикрыла за собой дверцу и подошла ближе к парням. Женя резко обернулся, шагнул ко мне и мягко толкнул ладонью в спину, заставляя выйти к остальным. От его прикосновения по позвоночнику пробежал неприятный разряд.

— Так, знакомьтесь. Это Софа.

Парень окинул меня коротким оценивающим взглядом. Без надменности, скорее, с любопытством:

— Софа? Приятно. Я Ярик, — он протянул раскрытую

ладонь.

— Взаимно, — выдавила я.

— Приветик! А я Ира, — блондинка бесцеремонно шагнула вперёд. Её голос прозвучал мягко, но для моего воспалённого слуха — как удар по барабанной перепонке. — Слушай, ты не представляешь, как я рада. Наконец-то здесь есть ещё одна девчонка. А то эти придурки только и делают, что спорят, кто круче долетит до воды.

— Так, народ, — Женя хлопнул в ладоши, затыкая всех разом. — Девчонки, берите пледы, спускайтесь и разберитесь с едой. Ян, на тебе ведро с мясом и уголь, — он по-свойски приобнял Ярика за плечи. — А мы пока мангал раскочегарим.

Мы с Ирой подхватили вещи и начали спуск по крутым каменистым уступам. На ровном пяточке я опустилась на корточки, расправляя плотную ткань пледа. Ира кинула свой встык — получилось одно большое покрывало. Сбегав к машинам ещё раз, я притащила тяжёлый пакет с газировкой, а Ира прихватила контейнеры.

— Глянь, какая красота, — Ира сдёрнула пищевую плёнку с нарезки.

Я заглянула через её плечо. Ровные ряды томатов, огурцов и перца выглядели почти идеально. Рядом она пристро-

ила коробку с фруктами: персики, виноград, яблоки. Улучив момент, я незаметно стянула одну виноградину. Едва заметный вкус сладости на секунду перебил тошноту.

— Ярик вечно параноит, что мы сдохнем с голоду, — усмехнулась Ира, заметив моё воровство. — Вечно ворчит: лучше взять с запасом, чем потом смотреть на ваши кислые мины.

— Извините, девчонки, раскулачивание, — подошедший Ян без лишних церемоний сгрёб в охапку все бутылки.

— Эй! Куда?! — возмутилась Ира.

— В воду, у берега. Тёплая кола — это отстой, — бросил Ян, уже шагая к реке.

— Ян! — донёсся командный голос Жени. — Притащи шампуры из багажника. Забыл!

Ян выразительно закатил глаза, но спорить не стал — молча развернулся и поплёлся обратно в гору.

Я сбросила шлепанцы, сминая босыми ступнями прогретый, мелкий песок.

— Ты давно знаешь Женю и Яна? — Ира расставляла пластиковые стаканы.

— Нет, — я проводила взглядом волну от брошенного Яном камня. — Но ощущение, будто сто лет.

Ира негромко усмехнулась:

— У Жени талант вербовать в свою веру. Через пять минут кажется, что вы знакомы вечность. А Ян... он сложный бывает. Но надёжный, как скала.

Я посмотрела на Яна, который снова спускался по склону.

— А сама чем занимаешься? Ну, кроме того, что терпишь этих дурачков.

— Особо ничем, — я провела ладонью по нагретому песку, пряча глаза. — Рисую иногда. Чисто для себя, мозги прочищает.

— Да ладно? Круто. Портреты или граффити?

— Да так, наброски, — я неловко поскребла затылок, уходя от темы.

Ира задумчиво покрутила в пальцах сорванную травинку, разглядывая меня с лёгким любопытством.

Сверху послышался глухой металлический стук. Ян швырнул шампуры к ногам Жени.

— Держи. Купи блокнот для склероза.

— Меньше болтай, больше делай, — огрызнулся Женя, подбирая шампуры.

Мы с Ирой легли на плед, подставив лица жаркому полу-

денному солнцу. От воды шли невыносимо яркие блики, и я прикрыла глаза ладонью.

— Сколько тебе? — спросила она.

— Почти восемнадцать. А тебе?

— Шестнадцать.

— Серьёзно? — я повернула к ней голову. — Выглядишь старше.

— Магия макияжа, — она лениво отмахнулась. — Смой всё это — и меня в автобус без мамы не пустят.

Она кивнула в сторону машин, где Ярик возился с багажником. Лицо Иры изменилось, стало каким-то беззащитным.

— Мы год вместе. Он из тех людей, которые заставят смеяться, даже если весь мир катится к чёрту.

— Это редкость.

— Знаю. Мои родители от него кривятся, — она безразлично передёрнула плечами. — Но мне плевать на их мнение.

— Не боишься? — тихо спросила я, вспомнив тяжёлый взгляд отчима.

— Не-а.

В её голосе было столько уверенности, что я невольно позавидовала этой решимости. В отличие от неё, я не могла

дышать без разрешения дома. Особенно когда на меня смотрел отчим.

— Он днём в кафе работает, — продолжала Ира, — а по ночам берёт заказы на дизайн. Логотипы, афиши всякие. Копит на нормальный ноут.

— Он молодец. Мало кто сейчас так упирается.

— Упрямый, — с тихим теплом подтвердила она.

— А у тебя к чему душа лежит? — спросила я, переворачиваясь на бок.

— Пою. Пятый год уже в студии, — Ира закинула руки за голову, глядя в небо. — И печь люблю. Мечтаю когда-нибудь открыть свою кондитерскую, в которой всегда будет пахнуть ванилью и корицей.

— Ого. А я и духовка — вещи несовместимые.

— Да у меня первый торт вообще напоминал кусок антрацита с кремом, — Ира тихо фыркнула. — Главное — не бросать после первого провала.

Сверху зашуршал пакет: Женя высыпал в мангал остатки угля и щедро плеснул розжига. Пламя рвануло вверх, жадно глотая воздух, а затем улеглось, оставив пульсирующий малиновый жар. По склону пополз густой дым — терпкий, горьковатый, смешанный с ароматом специй. Ярик тем временем не выдержал пекла и ушёл в воду прямо в одежде. Спустя пару минут он с шумом выскочил на берег, добежал

до нас и с силой встряхнул головой. Холодные капли веером полетели во все стороны.

— Эй! Придурок! — Ира закрылась руками. — Ты мне весь макияж смоешь!

— Да ладно тебе, — он перехватил её запястья, утягивая за собой. — Ты и без него красивая!

Отбежав на шаг, Ярик зачерпнул ладонями воду и демонстративно плеснул в неё.

— Ты напротился!

— Это просто водичка! — он начал пятиться, выставив ладони.

— Тебе конец!

Смеясь и увязая в мокром песке, Ярик рванул обратно на глубину.

— Спасайте! Меня сейчас топить будут! — крикнул он на ходу, надеясь скрыться за брызгами.

Но Иру это не остановило — прямо в рубашке она зашагала следом, пока вода не поднялась по самую грудь. В их возне было столько чистой, нормальной жизни. Жизни, которой меня всегда лишали.

Женя у мангала методично нанизывал мясо на шампуры. Наблюдая за дурачащейся парой, он едва заметно качнул головой:

— Дети, — негромко бросил он в пустоту.

Тень упала на плед, заслоняя солнце.

— Свободно? — Ян кивнул на край покрывала.

— Да, падай.

Он устроился рядом, вытянул длинные ноги и откинулся назад, упершись ладонями в ткань.

— Обычно новым людям нужно время, чтобы вкатиться в компанию. А ты как будто всегда здесь была.

— Мне с вами легко, — я повернулась к нему. — Это даже странно.

— Это нормально, — Ян перевёл взгляд на воду. — Искупаемся?

— Давай.

Он поднялся и без лишних слов пошёл к кромке. Я стянула футболку, бросив её на плед, и двинулась следом. Мелкие волны лениво лизали песок, мгновенно стирая наши следы.

— Холодная, — предупредил Ян, когда вода дошла ему до колен.

— Заметно, — выдохнула я, сделав ещё шаг.

Вода обхватила щиколотки ледяными тисками. На секунду в груди спёрло воздух, но тело быстро адаптировалось к ознобу. Яррик, заметив наше приближение, ушёл под воду и вынырнул в паре метров, подняв целую тучу брызг.

— Эй! — я инстинктивно закрыла лицо.

— Я случайно! — отозвался он, расплываясь в ухмылке.

— Врёшь! — крикнула Ира, обрушивая на него ответную волну.

Спустя минуту мы все дурачились, начисто забыв обо всех проблемах. Но в какую-то долю секунды, когда вода стекала по лицу Яна сплошными ручьями, я перехватила его взгляд. Он смотрел прямо на меня — неотрывно, тяжело. В его глазах на миг проступила такая дикая, бездонная тоска, что у меня внутри всё сковало холодом. Я моргнула — и всё исчезло. Ян снова смеялся, смахивая мокрую чёлку со лба, и от того страшного выражения не осталось и следа.

Галлюцинация? Привет от не выпитой таблетки? Или мне просто показалось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.